

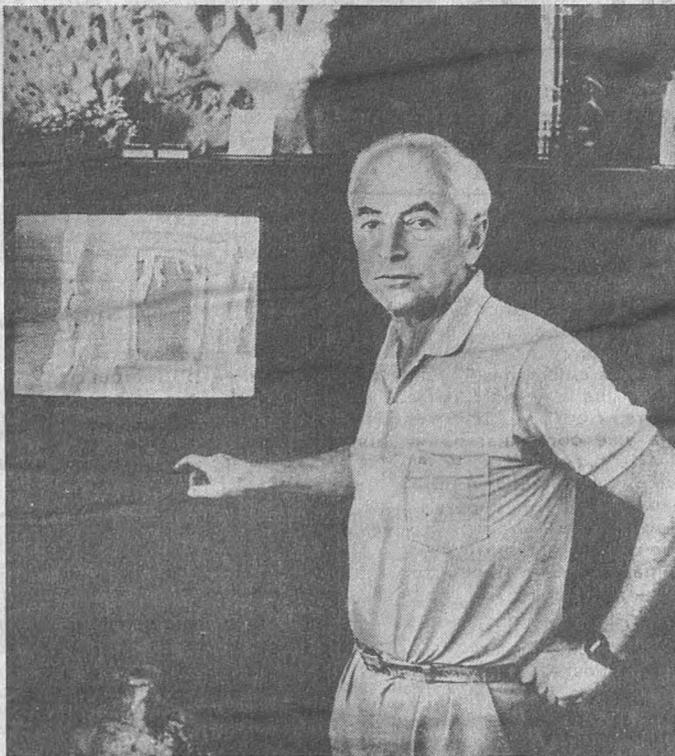
Эдуард ГРАФОВ

Все-таки странное это дело. Долгие годы дружить с обыкновенным, надежным человеком. Просто звонить от нечего делать ему по телефону. Просто бродить с ним по переулкам, хаживать в баню, гонять количества водки. При случае орать друг на друга.

А человек этот — легенда! И какой-нибудь знакомый у тебя недоверчиво спрашивает: «Ты действительно знаком с Городнички-ми?»

Я вот что подумал. Возьмем какого-нибудь очень талантливого поэта. И представьте, что его нигде не публикуют, а к телевидению и близко не подпускают. Ведь никто, кроме родственников и соседей, про этого поэта и не узнает. А Городничкий именно в таких вот своеобразных обстоятельствах сразу, почти с первых шагов, стал прославленным поэтом, автором знаменитых песен.

Ну кто, даже из нынешних «рокеров», не знает «Кожаные куртки», «А я иду по де-

Это не его песни, это наши песни

Александр Городничкий подался в юбиляры
Куботра. — 1993. — 21 апр. — С. 7.

ревянным городам», «Снег над палаткой кружится»? Так вот, написаны они были еще в конце 50-х—начале 60-х годов. В ряду замечательных имен «шестидесятников» — Окуджавы, Высоцкого, Кима — стоит имя Александра Городничкого. Не каждому поэту довелось войти строкой в эпоху.

И вот что любопытно. Для меня гораздо бесценнее его известности его «неизвестности». Он, пожалуй, достиг наивысшего признания — некоторые его песни считаются народными. Например, «От злой тоски...» или «Над Канадой небо синее» точно ушли в фольклор. Дескать, какой-то хороший человек сочинил, разве обыкновенный поэт, мол, так напишет? Городничкому в одном из его таежных странствований даже показали всеми чтимую могилу человека, который написал «От злой тоски не матерись». Автору оставалось о своем авторстве только умолчать, а то, как он сказал, недолго было и по шее хлопотать за кощунственное самозванство.

В песнях Городничкого такая

щемящая простота, что кажется, будто ты сам их написал. Это объясняется не только редким талантом. Он жил и живет подлинную жизнь. Я прочитал его мемуарную книгу «И вблизи, и вдали». Александр Иванович Герцен на вопрос: «Кто имеет право писать свои воспоминания» ответил: «Всякий. Потому что никто их не обязан читать». Так вот, я все 464 страницы прочитал залпом. Воистину исповедь поколения! И становится понятным, почему он писал именно такие песни и почему они так нам дороги. Принимаю упрек за вычурность фразы, но песни ему продиктовала жизнь. И кака! Чего только ему на роду не было написано! Помимо радости.

Почтительно склонимся перед седой головой члена-корреспондента Академии наук Александра Моисеевича Городничкого. Но путь к этому высокому званию прошел не он, а Алик Городничкий, бывалый, надежный геолог, обожаемый друзьями. Прошел в непрерывных тяготах таежных

экспедиций. И то, что не раз смотрел смерти в глаза, — отнюдь не поэтическая фигура. Да, спускаться в океанские пучины в поисках Атлантиды — дело, конечно, романтическое. Но для него — это работа. Работа у него такая.

Получилось так, что у меня есть некоторое количество прославленных друзей. Но завидую я только Городничкому. И именно потому, что понимаю — я бы так не смог. Меня бы ни на такую жизнь, ни на такие песни не хватило.

До сих пор не пропускаю ни одного его творческого вечера. И каждый раз с волнением ожидаю, когда зал поднимется, как один, и огромным, могучим хором самозабвенно запоет «Атланты держат небо». И я, который не способен запомнить слов ни одной песни, стою вместе со всеми и пою, как могу, этот гимн молодости, эту клятву на верность.

Ну, какое признание для поэта дороже? А то, что геологу якобы 60 лет, — это недоумение. Тектоническая ошибка веков и эпох.